

КАЛАМБУР КАК ВИД ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ: МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

А. М. Ломов

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

А. П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 июля 2014 г.

Аннотация: статья посвящена способам образования каламбуров как вида языковой игры на материале русского и английского языков.

Ключевые слова: языковая игра, омонимы, омофоны, разные значения слова, морфологические сдвиги слов в составе предложения, эпиграммы.

Abstract: the article is devoted to the means of forming puns as a form of language play. The research is based on the Russian and English data.

Key words: homonyms, homophones, meanings change, morphological shifts in the sentence structure, epigrams.

Если судить по опыту европейских литератур, каламбур насчитывает не менее четырехсот (а то и пятисот) лет своей истории. В отечественной беллетристике он впервые упоминается в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, посетившего Париж в апреле 1790 г. и писавшего о событиях во французской столице. Среди прочего автор отметил: «... Потом вошли в моду каламбуры и магнетизм» [1]. В последующем слово *каламбур* прижилось в русском языке, но его этимология до сих пор остается неясной, о чем свидетельствуют две точки зрения на происхождение этого слова: романская и германская. Романисты и их сторонники склонны полагать, что слово *каламбур* имеет истоки во французском языке, а германские ученые и их последователи считают, что оно произошло от старой немецкой книги, где излагается анекдот о попе из Каленберга. Так, П. Я. Черных, автор этимологического словаря, сближает *каламбур* с фр. *calembrediane*, что значит *пустые речи, шутка*, и с *bounder* – *чепуха, вранье* [1]. Что же касается В. И. Даля, он ограничивается только изложением германской версии [2], тогда как М. Фасмер, немецкий ученый, составитель 4-томного этимологического словаря русского языка, отмечает обе точки зрения [3].

Однако, несмотря на неясность происхождения слова *каламбур*, современные лексикографические источники определяют его, за исключением частных случаев, примерно одинаково: игра слов, основанная на нарочитой или невольной двусмысленности, поро-

жденной омонимией или сходством звучания, которые вызывают комический эффект.

Констатация этих словарей по поводу того, что комический эффект в каламбурах вызывается сходством звучания или омонимией, не вызывает возражений, однако она оставляет нераскрытой специфику конкретных случаев.

Действительно, чаще всего языковая игра в каламбуре основывается на омонимах, т.е. словах одинаково звучащих, но разных по значению: «*Вкальываю с утра до вечера*» – *жаловался наркоман* (А. Кнышев): а) *вкальывать* – работать до седьмого пота и б) *вкальывать* – делать укол; *Весна хоть кого с ума сведет. Лед – и тот тронулся* (Э. Кроткий): а) *тронуться* – начать движение и б) *тронуться* – сойти с ума; *Материя бесконечна, но ее все время не хватает кому-то на штаны* (Г. Малкин): а) *материя* – философская категория и б) *материя* – ткань; *Стоит ли есть поедом подчиненного, если его не перевариваешь* (журн. «Крокодил»): а) *переваривать* – усваивать пищу и б) *не переваривать* – не переносить кого-либо. На замечание, что мальчики держатся за мамину юбку, словно пришитые к ней, один из малышей говорит: *Нет, бываем и отпороты*, где *пороть* – а) разрезать, разъединять по швам (сшитое), б) сечь, наказывать кого-то физически.

Наряду с омонимами в каламбурах используются (но значительно реже!) омофоны – слова, совпадающие с другими по звучанию. На игре с омофоном построена знаменитая пушкинская фраза: *Преданный без лести*. Глухо произнесенная буква *з* переводит предлог в существительное *бес*, что создает не лест-

ный образ временщика эпохи царя Николая I. Уже в наши дни шутовское предостережение нерадивому студенту: *Забросишь вуз – получишь вус* предполагает выбор: *вуз* – высшее учебное заведение, или *вус* – военно-учетная специальность (молодых людей не желающих учиться, обычно призывают в армию). На вопрос, какой *грипп* опасней, птичий или свиной, дается ответ, что опасней – *бледная поганка*, т.е. чередование глухих и звонких букв *п–б* превращает *грипп* – заразное вирусное заболевание в *гриб* – трюфлей любителя «тихой охоты».

Однако омонимы и омофоны – лишь наиболее известные способы образования каламбуров, имеются и другие.

Каламбур может возникнуть за счет намеренно искаженного слова или его формы. Сплошь и рядом такая деформация происходит в угоду рифме. Она обыкновенно бывает явной, как в случаях: *Бывают хочу везде / А жить хочу вот где...* (В. Вишневский); *Если будешь печь стихи, / попадешь в Крученых* (В. Инбер). Но она может быть и скрытой: когда искаженное слово рифмуется с хранящимся в фоновом запасе неискаженным словом. Прекрасным примером может служить реплика Ф. Раневской, называвшей режиссера З. – любителя молодых женщин, жаждущих главных ролей, *перпетуум кобеле* (*кобеле* – *mobile*).

Состоят на службе у каламбура и разные значения одного и того же слова. Так, в примере *Шел дождь и два студента, один в кино, другой – в пальто* оказываются сопряженными три значения глагола *идти*: а) передвигаться, перемещаться в пространстве, б) направляться, отправляться куда-либо, в) совершаться, происходить (о дожде, снеге). См. также: *Когда ему надоело сажать людей, он стал сажать леса и людей* (это о Сталине), где а) *сажать* – отправлять в тюрьму или лагерь и б) *сажать* – наращивать лесной массив; *Он пережил две войны и две жены. Одну – мировую*. Здесь под словом *мировая* имеется в виду и война, и супруга человека, о котором идет речь (*мировая* – значит очень хорошая, замечательная).

Имеются также случаи, когда сближению подвергаются вербальные комплексы, больше, чем слово, или, наоборот, морфологические элементы слова.

В первую очередь следует упомянуть факты «склеивания», когда в пределах рифмы наблюдается уподобление слова сочетанию двух слов или сочетанию двух слов с таким же, но лексически разным двусложным сочетанием. Так, в стихотворении современника А. С. Пушкина Д. Д. Минаева: *Область рифм – моя стихия / Без труда пишу стихи я / Даже к финским скалам бурым / Подступаю с каламбуром*. Совпадают (точно или приблизительно) в рамках рифмы *стихия* – *стихи я*, *скалам бурым* – *с каламбуром*. Есть и другие примеры: *Марк Аврелий / Не еврей*

ли?; (И. Ильф). *Исследователь языка – и следователь из Чека* (надпись мелом на дверях квартиры О. М. Брика), где *исследователь языка* – ученый-филолог, а *следователь* – должностное лицо, проводящее предварительное следствие.

У авторов каламбуров при разного рода морфемных сдвигах в словах синтаксическая конструкция может допускать иное (не традиционное) прочтение, как в анекдоте о А. С. Пушкине: *Однажды Пушкин сидел в кабинете графа С. Сам граф лежал на диване. На полу, около письменного стола играли двое его детишек*.

– *Саша, скажи что-нибудь экспромтом...* – *обратился граф к Пушкину*.

Пушкин, ничуть не задумавшись, скороговоркой ответил:

– *Детина полумумный лежит на диване*

Граф обиделся.

– *Вы забываетесь, Александр Сергеевич, – строго проговорил он.*

– *Ничуть... Но Вы, кажется не поняли меня... Я сказал: «Дети на полу, умный лежит на диване».*

Этот пример, как нельзя лучше демонстрирует, насколько изменяется смысл высказывания за счет морфемных сдвигов только в двух словах: *детина* и *полумумный*.

Столь же неожиданно звучит вопрос: *На бал кони ходят? / = на балконе ходят?!* В кругу такого рода примера находятся и наши шутки: *У крали – бусы / = украли бусы; Водку пил вчера / = вот, купил вчера*.

Конечно, все упомянутые варианты звукового сближения в каламбуре в первую очередь оказываются задействованными у профессиональных литераторов, которыми они воспринимаются как разновидности единого художественно-образительного приема. В русской словесности первой освоила каламбур эпиграмма, сформировавшаяся во второй половине XVIII в. О том, каким мастером эпиграммы был А. С. Пушкин, мы знаем. Однако были и другие поэты, использовавшие каламбур, о чем можно судить по многочисленным примерам. Приведем два из них: *Смотря на лик сего героя, / кто не прочтет на лбу: свободен от постоя* (А. Соловьев); *Четырнадцать он лет путями правил, а сам жил без пути и правил* (безымянный автор). В первом примере обыгрывается квартирмейстерский штамп, во втором делается упор на частичное звуковое соединение термина *железнодорожные пути* и устойчивого выражения *делать (жить) путем*.

Эпиграмма просуществовала долго: она была в ходу даже в 20-е гг. XX в., когда во время дружеских поэтических состязаний поэты и писатели В. Маяковский, В. Катаев, Л. Леонов, В. Инбер и другие писали друг на друга шуточные эпиграммы. Только во второй половине XX в. использование каламбур-

ной эпиграммы (как и эпиграммы вообще) идет на спад, и им на смену приходят не имеющие конкретного адреса поэтические выпады каламбурного типа, которыми сейчас изобилует творчество М. Задорнова, В. Вишневского, М. Жванецкого и других наших современников.

Тем не менее за рамками художественной литературы каламбур продолжает оставаться живой языковой игрой. Его охотно использовали и используют актеры и ученые: *Я боюсь, если я это сделаю, т.е. напишу мемуары, то получится книга жалоб, а не предложений* (Ф. Раневская); *Науки делятся на естественные, неестественные и противоестественные* (Л. Ландау). К нему обращаются и безымянные авторы анекдотов: *И было у крестьянина три сына. Один косил на левый глаз, другой – от армии, а третий – траву*.

Таким образом, каламбур существует в двух ипостасях: он выступает в роли художественно-образительного приема изящной словесности и в роли способа языковой игры, используемого непрофессионалами в своих речетворческих шутках.

Русский язык, понятно, не одинок в использовании каламбуров. В других европейских языках (французском, английском, итальянском) он встречается не реже (а может даже чаще), чем в русском. Английские словари представляют каламбур (*pun*) как остроумное или юмористическое использование слова, имеющего несколько значений, или слов с различными значениями, звучание которых совпадает. Как видим, это определение является близким по содержанию к его русскому аналогу. Примером первого случая может послужить следующая шутка: *Without geometry life is pointless* (Без геометрии – жизнь бессмысленна). Однако «альтернативное» прочтение предложения подсказывает иной смысл: *Без геометрии – в жизни нет точек* (где точка воспринимается как атрибут геометрии). Примером второго случая выступает сентенция: *Seven days without water make one weak* с двумя вариантами ее понимания на слух: *Семь дней без воды делает (человека) слабым* и *Семь дней без воды составляют неделю*. Слова *weak* (слабый) и *week* (неделя) являются омофонами, т.е. звучат совершенно одинаково [wi:k].

Пользуясь ресурсами интернета, можно привести еще ряд примеров первого и второго типа. К первому типу отнесем следующие:

My dog's a champion boxer [где *boxer* в одно и то же время означает и породу собаки и спортсмена – мастера кулачного боя].

We are banking on them lending us the money [где *bank on smb* – надеяться на кого-то и откладывать деньги в банк, обогащаться (получается – за чей-то счет)].

Our social studies teacher says that the globe means the world to her [где *to mean the world* – значить многое и одновременно – в буквальном смысле – понимать глобус, как копию мира].

The best way to communicate with a fish is to drop them a line [to drop smb a line – забросить леску в реку, надеясь на улов и черкнуть кому-то пару строк].

Speaking ill of the dead is a grave mistake [a grave mistake – большая ошибка, тогда как в прямом значении слово *grave* – ошибка замогильная].

I used to be a teacher, but I found I didn't have enough class [где *to have enough class* – иметь в классе достаточное количество учеников против другой интерпретации – обладать профессиональными знаниями для того, чтобы быть успешным учителем].

A small boy swallowed some coins and was taken to a hospital. When his grandmother telephoned to ask how he was, a nurse said, "No change yet" [слово *change* имеет два значения – изменение (перемена к лучшему) и мелкие деньги, мелочь, которую дают на сдачу].

В примерах встречаются варианты не только слов, но и отдельных фраз (одна из которых обязательно представлена устойчивым выражением), но механизм восприятия и тех, и других одинаков.

Перейдем к иллюстрациям каламбуров второго типа.

Why did Dracula go to the doctor? – Because of the coughing (coffin) [ср.: *coughing* – кашлять и *coffin* – гроб – оба слова совпадают по звучанию].

She was only a whiskey-maker, but he loved her still (whisky) [*whiskey-maker* – парикмахер, направляющий «височки» у клиентов-мужчин и *whisky* – спиртной напиток – являются омофонами].

Английский каламбур образуется и в результате уже упомянутого приема «склеивания и деформации слов»:

With her marriage, she got a new name and a dress (address) [*a dress* – платье, реорганизованное в *address* – уже не платье, а адрес].

Did you hear about the Frenchman who jumped off the Eiffel Tower wearing a parachute and landed in the river? The police didn't arrest him because he was clearly in Seine (insane) [где *in Seine* – букв.: в реке Сене, тогда как *insane* – ненормальный, умственно больной человек].

При большом сходстве механизмов создания русских и английских каламбуров возможны небольшие расхождения. Увлечению русских каламбуристов эпиграммами можно противопоставить английскую лексико-грамматическую игру в каламбуры.

Вот, например, диалог посетителя и официанта в ресторане:

– *What's this?*

– *It's bean soup.*

– *I understand, but what's this now?*

It's bean soup – суп из бобов и *It's been soup* – перфектное время – это когда-то было супом.

Впрочем, отмеченное несоответствие можно объяснить отсутствием достаточного материала для сравнения. Важно и то, что в обоих языках используется одна и та же стратегия интерпретации каламбуров. Как свидетельствуют западные когнитологи, понимание самого распространенного вида каламбуров следует рассматривать как процесс, состоящий из нескольких этапов. Эти этапы демонстрируются на базе известной английской шутки:

– *Do you believe in clubs for young people?*

– *Only when kindness fails.*

В приведенном диалоге «малых форм» наблюдается явное несоответствие между репликой в форме вопроса и реакцией на эту посылку в виде ответа.

Экспериментальным путем американский ученый Т. Р. Шульц определил этапы осмысления каламбура: 1) испытуемые выявляют смысловую «неувязку» слова *clubs* (в значении «группа людей, объединенных общими интересами») с содержанием ответа; 2) участники эксперимента обращаются к первой части диалога, понимая слово *clubs* уже в «новом свете»: «clubs» – дубинки, палки, которыми учат нерадивых; 3) на последней, синтезирующей стадии в сознании

реципиентов выстраивается смысл, задуманный автором каламбура, и отдается дань игре слов [Eysenck, 1994, 171].

Этот же самый алгоритм работает и в процессе понимания русского каламбура. Достаточно вспомнить лишь один из них, приведенный в самом начале доклада: «*Вкальваю с утра до вечера*» – жаловался наркоман.

Таким образом, русские и английские каламбуры развиваются по одним и тем же направлениям; аналогичной оказывается методика их распознавания. Помимо вариантов, отмеченных в толковых словарях, выявляется ряд других способов формирования афоризмов как видов языковой игры, которые были продемонстрированы выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык. – Т. 1. – 1993. – С. 370.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Прогресс-Универс. – Т. 2. – 1994. – С. 186.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. О. Н. Трубачева. – М. : Астраль. Аст. – Т. 2. – 2009. – С. 164.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Ломов А. М., профессор кафедры речевой коммуникации и журналистики
Тел.: 8 (473) 275-44-07

Воронежский государственный университет
Бабушкин А. П., профессор кафедры английского языка гуманитарных факультетов
E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 220-84-41

Baltic Federal University named after I. Kant
Lomov A. M., Professor of the Speech Communication and Journalism Department
Tel.: 8 (473) 275-44-07

Voronezh State University
Babushkin A. P., Professor of the English Language for Humanities Department
E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 220-84-41